В Приволье семья Расторгуевых приехала летом, в пору сенокоса.

В селе поговаривали, что глава семьи Илья Расторгуев служил на Севере вертухаем — охранял зеков. Выйдя на пенсию по выслуге лет, вернулся на малую родину — укатил подальше от греха, чтобы зеки не достали и не привели свои угрозы в исполнение.

Нелегкая служба в суровых условиях наложила отпечаток на внешность бывшего сверхсрочника. Почти двухметровый статный детина с пудовыми кулаками выглядел изрядно уставшим, не по годам изношенным. Удлиненное темное лицо, изрытое глубокими морщинами, напоминало кору старого дуба. Злые языки утверждали, что Илья за четверть века службы на Севере пристрастился к спиртному и теперь страдает печенью.

Жена Ильи Мария, редкая красавица, несмотря на лучшие годы, проведенные в вынужденной ссылке, ничуть не потеряла свою привлекательность и была еще в самом соку.

Досужие деревенские бабы, стоя у колодца, не упускали случая, чтобы, завидев Марию, не посудачить о ней:

— Северянка цветет и пахнет. А говорят, что сорок лет — бабий век,— с нескрываемой завистью молвила рыжая почтальонша Верка Мазилина.— Смотри, как хвостом крутит. Ей еще рожать впору, да Илья слабоват. Как бы наших мужиков не захомутала.

— А чего ей не цвести?! — возмущенно откликнулась Дашка Громиха, сварливая баба, прозванная так за грубый голос и тяжелый характер.— Это мы ломовые лошади раньше времени отцвели. А она ни дня за свою жизнь не работала. Сидела у мужа на шее, потягивала спирт, крутила шуры-муры с офицерами из охраны лагеря да воспитывала нагулянную дочь.

— А Илья знает, что это не его дочь?— заинтересовалась Верка.

— Баба, когда захочет, и черта обманет,— отмахнулась от нее Громиха.

На родительской усадьбе у околицы села, в окружении вековых деревьев, Расторгуевы с помощью бригады плотников за лето возвели добротный дом, купленный на снос. Ветхую избу родителей приспособили под сарай, приобрели скотину и птицу.

Илья успел подружиться с сельским главой на почве горячительного и получить сенокосный надел.

Во время косовицы мужу помогала Мария. В голубом атласном сарафане, перехваченном узким пояском, подчеркивающим ее эффектную фигуру, в легкой цветной косынке, она ловко ворошила граблями сено, покачивая бедрами. Мужики не сводили глаз с чернобровой красавицы, у которой за пазухой соблазнительно колыхались пышные груди. А бабы искоса поглядывали то на Марию, то на мужей. Одергивали их. Особенно бдительной была Верка Мазилина, муж которой слыл редким бабником.

— Куда пялишься? — покрикивала она на своего Андрея,— Машкой Северянкой пришел любоваться или сено убирать... Еще не нагулялся? Для жены силы прибереги, а то укатают сивку крутые горки.

Когда с сенокосом управились, Расторгуевы перевезли сено к дому, сметали в стог, а оставшимся заполнили сарай.

— Слава Богу, за погоду успели. Надо бы обмыть удачное завершение дела,— предложила мужу Мария, лениво потягиваясь после небольшого послеобеденного отдыха.— Таков деревенский обычай. Нарушать его нельзя. А то, не дай Бог, пойдут дожди, и сено сгниет в стогу.

— Обычаи надо соблюдать,— одобрительно ответил Илья.— У меня поясница ноет от непривычной работы. Сбегай за бутылочкой к Скугарихе. Говорят, у нее самогон, что лекарство — любую хворобу как рукой снимает.

Мария живо надела платье в горошину, с большим вырезом на груди, покрутилась у зеркала, поправила прическу, подкрасила губы, брызнула на себя духами из флакончика. По комнате поплыл нежный аромат: тонкий, будто рядом зацвела ночная фиалка.

— Прихорашиваешься, будто на гулянку,— проворчал беззлобно Илья.

— А как же! Пусть деревенские бабы лопнут от зависти. Постоянно замечаю, как смотрят вслед и перемывают мои косточки. Будь я такой же замарашкой, как они, им было бы гораздо спокойнее. А я не желаю опускаться до их уровня. Я хочу форс держать...

Скугаревы жили на отшибе села, на берегу говорливой речушки Аксинки. Клавдия торговала молоком на рынке, а ее муж Иван, бывший агроном, после распада колхоза заболел, получил инвалидность. Скугарев хлопотал по хозяйству да потягивал самогон, который гнала жена. Деревенские мужики охотно откликались на просьбы Скугарехи о помощи — Клава всегда рассчитывалась бутылкой. Хорошим знакомым иногда давала самогон за деньги.

Их единственный сын Юрий окончил техникум, отслужил армию, устроился на службу по контракту в воинскую часть и поступил на заочное отделение пединститута. Парень был видный, красив лицом и статью. Поговаривали, что Клава нагуляла его от чернявого фининспектора, за что Иван в молодости, по пьяной лавочке, поколачивал жену.

Мария слегка постучала в дверь, вошла. Дома была только хозяйка.

— Мир вашему дому,— нежным голосом сказала гостья.

— Спасибо на добром слове,— отозвалась Клавдия.— Проходи, Мария. Присаживайся. С чем пожаловала?

— Клавдия Федоровна, я к тебе с просьбой. Слава Богу, с сеном, наконец, управились, но так устали от нелегкой деревенской работы, что Илья мой занедужил. Не откажи — дай бутылочку здоровье поправить.

— Оставляла для себя, но хорошим людям отказывать грех,— сказала хозяйка. Пошарила в кладовке, достала бутылку, протянула Марии.

— Спасибо, Федоровна. Дай тебе Бог здоровья,— сказала Мария, пряча бутылку.— Не перевелись еще в нашем селе добрые люди...

Клавдия поставила на стол маленький графинчик, налила стопку.

— Присядь, отведай. Сними пробу...

Едва Мария успела выпить, как в дверном проеме возник статный, крепкий парень цыганистой внешности, в спортивных брюках и бейсболке.

— Здравствуйте,— кивнул он Марии, задержав на ней взгляд.

Мария ответила на приветствие и, не скрывая восхищения, спросила:

— Кто же это будет, такой красавчик?

— Это наш сынок Юра. Отслужил армию. Теперь служит по контракту.

— От девок, видно, отбоя нет,— не отводя от парня глаз, сказала Мария.

— Ему не до того. Учиться надо, мне помогать — отец слаб здоровьем. Девки никуда не денутся — надо на ноги крепко встать,— рассудила Клавдия.

— Одно другому не мешает,— заметила Мария.

— Так-то оно так, но девки до добра не доведут — у них одна гульня на уме. А у Юры серьезные планы — получить образование, офицером стать.

— Мам, ну что ты свое заладила,— улыбнулся Юрий.— Парень не девка — в подоле не принесет. Ему погулять не грех, пока годы молодые.

— А ежели от этой гульни дите появится на свет — вот и заарканят тебя. Всю жизнь потом будешь каяться да локти кусать.

— В селе полно вдовушек. Они рожать не собираются,— заметил Юрка.

— Рано тебе по вдовушкам. Лучше в дело смотри,— буркнула Клавдия.— Не забудь мотоцикл заправить. Завтра утром к отцу в больницу поедем...

— Ну ладно, мне пора,— сказала Мария.— Пусть меня Юра проводит. Там в конце улицы стая собак бегает — боюсь, что не смогу спокойно пройти.

Клавдия неодобрительно посмотрела на Марию, потом на сына, но промолчала. Только покачала вслед головой. Насторожило ее, что сын слишком охотно согласился. Потом не раз корила себя и мужу твердила: «Я сразу нутром почувствовала недоброе, а предотвратить беду не смогла. Если бы знать, чем все закончится, остановила бы сына. В ноги бы бросилась, умоляла бы, чтобы не ходил... Откуда только нечистая сила эту гулену в наш дом принесла?!»

Мария предложила пойти по тропке в обход села, подальше от лишнего глаза. Юрка не возражал. Они шли, болтали о погоде, о сенокосе, о деревенских нравах. Он смотрел на нее и думал: «Природа здорово потрудилась над ней. Богиня красоты. Хотя уже и не молода...»

— Как ты сумела сберечь красоту на Севере? — осмелился спросить он.

— Сберегла, потому что не растратилась, не путалась ни с кем. Муж пресытился в молодости, а потом не замечал мою красоту. Замечали другие. Но у меня очень тонкий вкус. Пофлиртовать могла, но соблазнить никому не позволяла. Вот если бы рядом был такой красавчик, как ты, тогда... — заманчиво глянула Мария на Юрку. И того будто током прошибло.

Они вышли на окраину села и оказались под сенью вековых деревьев. Здесь, в бывшей дворянской усадьбе, пышно цвели старые липы. Вокруг мерно гудели пчелы. Тонкий медовый аромат, прогретый июльским солнцем, витал в воздухе и немного пьянил, обостряя чувства. Юрка не выдержал, взял Марию за руку, привлек к себе. Она словно ждала этой минуты. Обвила его шею мягкими теплыми руками, стала горячо целовать...

Медовый аромат цветущих лип, нежный запах духов, жаркие поцелуи вскружили парню голову. Юрка подхватил Марию на руки, понес в заросли малинника, на ходу целуя ее волосы, плечи, груди. «Не надо. Вдруг увидят...»,— сладко шептала ему на ухо Мария. Но было уже поздно...

Она встала, одернула платье, поправила прическу. Поцеловала Юрку, как ребенка, в щеку.

— Расстаемся на месяц. Скоро дочка Лера поедет учиться в техникум, а Илья пойдет работать ночным сторожем на ферму. Я останусь одна и тогда позову тебя,—

а сейчас по домам,— мило улыбнулась Мария.— Мой благоверный убьет меня, если что-то заподозрит...

Занималась вечерняя заря. Над рекой закурился туман. Было тихо, и только слышалось, как журчит вода в реке, как стрекочут в траве кузнечики.

Илья стоял у крыльца, всматривался вдаль.

— Где ты пропадала? Я уже собирался отправиться на поиски.

— Засиделась у Скугарехи. Не пожелала Клава отпускать без угощения.

— А почему шла окольным путем? — допытывался Илья.

— Собаки по улице разгуливают. И с бабами встречаться не хотела: они опаснее собак.

Юрка Скугарев с нетерпением ждал встречи с Марией. Думал о ней. Считал дни. Уже был на исходе август, но вестей от Марии не было. Пару раз вечерами подбирался к ее дому, наблюдал. Но Мария не показывалась.

В последний день августа Юрка решил навестить друга детства Мишку Ракитина, который жил на самой околице села, неподалеку от Расторгуевых. Засиделся у него допоздна. А когда возвращался, увидел на лавочке у крыльца Марию. Та махнула ему рукой, приглашая к себе. Юрка опрометью бросился к ней. Обнял, стал целовать. «Погоди, соседи заметят»,— вырвалась Мария. Поднялась на крыльцо, открыла дверь.

— Уже неделю жду тебя, мой милый,— обвила она Юркину шею горячими руками.— Извелась вся. Думала, гадала, как подать знак тебе...

— Я тоже очень тосковал по тебе,— шепнул ей на ухо Юрка.

У Юрки уже был опыт близости с девушками, но он не испытывал такого наслаждения с ними, как с Марией. Она была ласкова, нежна и так пылала страстью, что Юрка терял голову. Марии требовалось немало усилий, чтобы выпроводить его домой. Хотя и она не спешила расставаться. Призналась как-то: «Когда ты со мной — у меня бабочки в животе порхают».

В воинской части Скугарев дежурил сутками. После смены, немного отдохнув, принимался за домашние дела, а вечером бежал к Марии. Два-три раза в неделю поздними вечерами пропадал у нее. Мария стала сдерживать его, напоминая, что у нее есть муж и ему нельзя отказывать в близости, чтобы он ни о чем не догадался.

Однажды вечером, когда Юрка собрался нырнуть за дверь на очередное свидание с Марией, мать сказала:

— Погоди сынок, поговорить надо.

— Что ты, мам, хотела? Я спешу...

— Сынок, по селу ходят слухи, что ты связался с Северянкой. Зачем она тебе? У нее есть муж. Он крут. Узнает — не сносить тебе головы...

— Мам, что ты слушаешь разного рода деревенские сплетни?! Раньше этого за тобой не наблюдалось. Мало ли у нас в селе недоброжелателей.

И все-таки Юрка призадумался. Да и Мария подлила масла в огонь:

— Илья последнее время сам не свой. Неужто, о чем-то догадывается... Медовый месяц мы отгуляли — надо сделать перерыв,— предложила она.

— Если только на пару недель, пока я подготовлю контрольные работы и сдам зачеты в институте,— согласился Юрка.

Скугарев вернулся домой, приступил к службе. Прошло не так много дней, как он не виделся с Марией, но это время показалось ему вечностью. Сменившись с дежурства, отдохнул и охотно взялся за дело: переколол дрова, убрал их в сарай, натаскал воду для бани. Во время работы, предвкушая сладость предстоящей встречи, напевал себе под нос: «Пускай все сон, пускай любовь игра, ну что тебе мои порывы и объятья, на том и этом свете буду вспоминать я, как упоительны в России вечера...» А в сумерках поспешил к другу, чтобы на обратном пути встретиться с Марией.

Мишка предложил выпить за встречу. Юрка не возражал. Посидели, выпили бутылку. Разговорились. Неожиданно Мишка спросил:

— Юр, это правда, что ты с Северянкой любовь закрутил?

— А почему тебя это интересует? — вопросом на вопрос ответил Юрка.

— Говорят, тебя не раз видели с ней. Вот и решил узнать из первых уст.

— Было дело. Предпочитаю помалкивать об этом,— пробормотал Юрка.

— Это можно толковать так: было и прошло? — уточнил Мишка.

— Нет, продолжение следует,— твердо сказал Юрка.

— Да-а,— протянул Мишка.— Красота — великая сила. К тому же, видно, баба огонь. Легко не отпускает... Слышал краем уха, что она не только тебя привечает. Пока тебя не было, к ней захаживал Димка Туз.

— Откуда такие сведения? — косо глянул на друга Юрка.

— Громиха бабам рассказывала, как Туз покупал в магазине бутылку и капроновые колготки Марии в подарок. И как выходил из ее дома поздно вечером. Возможно, и сегодня развлекается с ней,— поддел друга Мишка.

Юрка встал, вышел во двор. Воображение рисовало грустные картины. «Вот так камуфлет! Надо проверить — так ли это? Но первым делом — в магазин, к Ленке Карасевой. Приму на грудь для храбрости...»

— Лен, подай бутылку белой и малость закусить,— попросил Юрка.

— Юра, зачем тебе белая, ты же не поклонник Бахуса? — заметила Ленка.

— Друга надо угостить,— недовольно проворчал Скугарев.

— Друга или подругу? — ухмыльнулась Ленка. И когда уходил, услышал в спину: «Медом вам там намазано, что ли? Вдовушек вокруг полно...»

В ответ Юрка громко хлопнул дверью.

Он шел и думал: «На кого меня променяла — на долговязого хмыря Тузина, по прозвищу Туз, которого в школе я не раз мутузил, чтобы не обижал пацанов. А потом, когда я срочную служил, он срок тянул за хулиганство. Выходит, ей по нутру люди такого пошиба...»

Скугарев укрылся за вековой липой против дома Расторгуевых. Липа отцветала, пахла горечью.

Юрка выпил бутылку целиком. Стал наблюдать. В окне мелькнули какие—то тени. И тотчас погас свет.

— Ну что, голубки, попались. Посмотрим, что вы сейчас запоете...

Неуверенной походкой Скугарев поднялся на крыльцо, решительно постучал в дверь. На веранду вышла Мария в ночной сорочке. Прильнув к окну, увидела пошатывающегося Юрку, замахала рукой:

— Что ты делаешь? Уходи немедленно, Илья дома...

— Ты врешь! Открой. Я хочу посмотреть, с кем ты развлекаешься.

— Юра, уходи, ты пьян. Илья услышит — нам несдобровать...

— Не хочешь открывать, тогда пусть Туз выйдет. Я с ним поговорю...

— Какой Туз? Ты с ума сошел. Уходи,— жалобно попросила Мария.

— Открой или высажу дверь,— крикнул Юрка и ударил кулаком по окну.

Звякнуло стекло. На веранде показался Илья с ружьем в руках.

— Кого ты здесь успокаиваешь? — спросил он у Марии.

— Не знаю, какой-то пьяный ломится. Видно, дом перепутал...

— Я ничего не перепутал,— крикнул Юрка.— Откройте, а то хуже будет.

— Убирайся прочь, а то завалю,— крикнул в ответ Илья.

Он просунул ствол в разбитое окно, прицелился. Мария бросилась к мужу, пытаясь помешать. Илья оттолкнул ее. Она упала, закричала.

Скугарев стал что-то соображать. Зажав рукой рану на правой кисти от разбитого стекла, он шагнул вниз с крыльца, намереваясь уйти.

Илья чуть помедлил и пальнул ему по ногам. Юрка упал, застонал.

Он дополз до соседнего дома, постучал в окно и потерял сознание.

Сосед Игнат Любавин открыл дверь, увидел бездыханного Юрку, затащил в дом, вызвал «скорую». Игнатиха тем временем перевязала раны.

Скугарева отвезли в больницу, прооперировали. Утром, когда Юрка открыл глаза, он увидел у кровати участкового Антона Уличева.

— Ну, рассказывай, Скугарев, почему тебя на подвиги потянуло?

— Перебрал малость... Сам не могу понять, как все вышло...

— Да, натворил ты дел,— сказал капитан.— Твои деяния уголовщиной попахивают. Расторгуевы написали заявление. Примириться не желают.

— Так это Илье надо опасаться, что срок дадут. Ведь я пострадавший.

— «Мой дом — моя крепость». Ты ломился к ним в дверь, разбил окно, грозился поджечь дом. Хозяин воспринял угрозу как реальную и защищался. Действовал в пределах необходимой обороны. И ему ничего не грозит.

Через месяц Скугарев вышел из больницы. Вскоре был суд. Марии на суде не было. Юрка твердил, что шел к другу, но перепутал по пьяни дом. Судья отклонил его доводы, признал виновным и дал ему условный срок.

Из воинской части Скугорева уволили по отрицательным мотивам. Но беда, как известно, не приходит одна. Во время операции по удалению дроби в ноге задели какой-то нерв, и у Юрки осталась хромота.

Расторгуевых возненавидело все село. «Вертухай ни за что парня покалечил. Лучше бы вертихвостку свою проучил, чтобы впредь ей неповадно было совращать молодых ребят, которые ей в сыновья годятся...»

По весне Расторгуевы продали дом и укатили из Приволья.